

УДК 94(47)

Виктория Вячеславовна Мокхоборода
Светлана Николаевна Брежнева
г. Санкт-Петербург

Формирование переселенческого быта в условиях Актюбинского уезда: опыт адаптации в пограничном регионе Российской империи

Статья посвящена формированию быта русских переселенцев в Актюбинском уезде в конце XIX - начале XX века. На основе архивных материалов Актюбинской области, периодической печати, административной документации и мемуарных свидетельств анализируются механизмы заселения укрепления Ак-Тюбе. Так же рассмотрена организация землепользования, хозяйственные практики и становление местной социальной среды. В работе применены историко-описательный, источниковедческий и сравнительно-аналитический методы. Они позволили выявить особенности взаимодействия переселенцев с казахским населением, напряжённость земельных процессов и роль административной политики в распределении ресурсов. Показано, что переселенческий быт сочетал патриархальные нормы, религиозную традиционность и экономическую адаптацию к суровому климату степи. Появление местных институтов сельского общества, ярмарок, типографии и городского вестника стало ключевым фактором формирования культурно-информационного пространства. Полученные результаты позволяют уточнить динамику социально-экономических трансформаций региона и выявить долгосрочные последствия переселенческой политики для городской среды и межэтнических отношений.

Ключевые слова: Актюбинский уезд, переселенцы, культура, хозяйство, адаптация.

Viktoriya Vyacheslavovna Mokhiboroda
Svetlana Nikolaevna Brezhneva
Saint-Petersburg

The formation of migrant life in the conditions of Aktobe county: the experience of adaptation in the border region of the Russian Empire

The article is devoted to the formation of the life of Russian immigrants in Aktobe district in the late 19th - early 20th century. Based on archival materials of the Aktobe region, periodicals, administrative documentation and memoir evidence, the mechanisms of settlement in Ak-Tube are analyzed. The organization of land use, economic practices and the formation of the local social environment are also considered. The work uses historical-descriptive, source-based and comparative-analytical methods. They made it possible to identify the peculiarities of the interaction of migrants with the Kazakh population, the intensity of land processes and the role of administrative policy in the allocation of resources. It is shown that the migrant life combined patriarchal norms, religious traditions and economic adaptation to the harsh climate of the steppe. The emergence of local institutions of rural society, fairs, a printing house and a city bulletin has become a key factor in the formation of the cultural and information space. The results obtained make it possible to clarify the dynamics of socio-economic transformations in the region and identify the long-term consequences of resettlement policy for the urban environment and interethnic relations.

Keywords: Aktobe county, migrants, culture, economy, adaptation.

История переселения русских жителей на юго-восточные рубежи Российской империи в XIX веке тесно связана с формированием новых поселений и развитием пограничных территорий. Одним из таких регионов был Актюбинский уезд. Формирование

переселенческого быта включало организацию землепользования, строительство жилья, уход за скотом, посев и уборку урожая, а также поддержание духовных и культурных традиций.

Современный город Актобе (Западный Казахстан) возник на месте укрепления Ак-Тюбе. После выделения участка земли площадью около 8,9 тысячи десятин территория начала заселяться русскими переселенцами. Первые семьи прибывали ещё до оформления официальных правил, им было достаточно разрешения местного воинского начальника. В 1877–1878 годах началось формальное оформление приписки поселенцев. К этому времени поступило множество прошений как от одиночных семей, так и от крупных групп. В числе наиболее значительных были переселенцы из Воронежской, Харьковской, Саратовской, Оренбургской и Уфимской губерний. К ноябрю 1877 года желание поселиться на Ак-Тюбе выразили 133 семьи. С января 1881 года переселенцы получили статус сельского общества и избрали старосту, что упорядочило процесс их приема и расселения. К 1886 году в Актюбинске насчитывалось 177 дворов. Голод 1891–1892 годов вызвал отток населения, однако уже с 1893 года рост возобновился. По данным на 1895 год, в поселении проживали 2 263 человека. В 1896 году прибыло ещё более 100 семей, преимущественно из малороссийских губерний [9, с. 16-17].

Изначально планировалось, что переселенцы Ак-Тюбинского укрепления станут мещанами, то есть городскими жителями без права на землю. Поэтому первые 37 семей смогли поселиться только после того, как подтвердили согласие жить в городе без надела. Такой же порядок был установлен и для 14 семей, прибывших из слободы Еловатки. Им объяснили, что землю они получат только под усадьбы, а пахотные и сенокосные угодья придётся арендовать у казахов. Но уже в 1883 году военный губернатор А.П. Константинович поднял вопрос о выделении отдельного участка земли для будущего города. Уездный начальник точных сведений о земельных ресурсах казахских общин не имел, однако отметил, что существующее население может пока пользоваться участком в 8,9 тысячи десятин, который ранее был выделен под укрепление Ак-Тюбе. Областная администрация поддержала это решение, и с 1883 года поселенцам начали разрешать пользоваться землёй, а не только проживать на ней. Вопрос о выделении отдельной городской территории вновь возник в 1887 году при губернаторе А.П. Проценко. Казахские общины без особых возражений согласились уступить часть своих земель:

- казахи 5-го аула Актюбинской волости передали городскому обществу зимовки 81 хозяйства с прилегающими угодьями;
- волостные съезды Актюбинской и Уйсилькаринской волостей отвели новые места для переселения тех, чьи зимовки попадали под городской отвод [10].

За перенос зимовок каждому хозяйству выплатили по 35 рублей. Позднее выяснилось, что часть новой территории использовалась иргизскими казахами как летовка. Когда иргизцы пришли на свои пастбища, они разрушили новые зимовки, и конфликт чуть не перерос в столкновение. Подобные ситуации показывают, насколько противоречивым и напряжённым был процесс освоения территории и становления новой городской среды. Именно на этом фоне в Актюбинске начал формироваться собственный культурно-информационный ландшафт. Важной частью, стал местный периодический печатный орган. Литературно-хозяйственный журнал «Актюбинский городской вестник» начал выходить в Актюбинске в марте 1913 года - это стало возможным после открытия типографии «Культура». Первоначальный тираж был совсем небольшим - всего 50 экземпляров. Редактором и издателем журнала стал Василий Иванович Мощёнский, одна из самых заметных фигур раннего Актюбинска. Он был уроженцем семьи поселенцев, прибывших в новое военное поселение Ак-Тюбе. В 1909 году стал первым выборным городским старостой. Позднее именно он написал подробную историю первых десятилетий жизни молодого города. Журнал издавался с 1913 по 1915 годы. До наших дней в Актюбинском госархиве сохранилось 15 номеров, но некоторые неполные, часть страниц была утрачена [11]. Из вестника мы можем узнать, что в январе 1880 года поселенцы Актюбинска получили права сельского общества и впервые выбрали сельского старосту, им стал С. Богдан. Первая

зима оказалась необычайно удачной: теплая, малоснежная, с хорошим кормом для скота. Животные зимовали прямо в открытых загородках, а запасы хлеба и сена у переселенцев были, многие привезли их из Кардаиловской станицы [2, с. 2].

Но следующие годы были куда тяжелее. Уже 1879 год выдался голодным. Землю для пахоты поначалу давали бесплатно, и каждый брал столько, сколько мог обработать. С 1887 года был введен проект Проценко: землю стали наделять по числу душ, а за десятину, брать плату от 25 до 50 копеек. До 1892 года эту плату собирали только с актюбинских мещан, переселившихся из Орска. Крестьяне, приехавшие из внутренних губерний, были освобождены от сбора, им давали больше льгот, чем мещанам из Орска [3, с. 2].

До 1895 года земельные участки на городском отводе распределялись и осваивались преимущественно по фактическому принципу раннего занятия территории. Не было строгой нормативной регламентации. Формально за распашку полагалось платить 50 копеек с десятины, но на практике этого никто не делал. В 1895 году уездный начальник вместе с городскими выборными установили новые правила. Городской отвод разделили на четыре поля, распахивать разрешалось только два, участки выделялись через стражника, предварительно подавалось заявление старосте и уплачивалось 50 копеек. За самовольную распашку грозил штраф 5 рублей с десятины и изъятие посева [9, с. 18].

В 1897 году распашку перенесли на два других поля, но они оказались меньше прежних. Стало ясно, что при старой системе привилегированные слои общества разберут всю землю, а бедным ничего не достанется. Поэтому решили ограничить нормы, каждому разрешалось брать не более трёх десятин под яровой посев, а сверх этого, только если оставался излишек. Тем не менее, часть жителей расселялась по окрестностям. В 1895 году актюбинцы засеяли около 1,460 казённых десятин на киргизских землях. Это были либо участки богатых переселенцев, арендовавших большие площади у киргизов, либо земли, обрабатываемые несколькими десятками семей, которые переселились в северные районы волости и основали хутора. По словам самих переселенцев, уход на хутора объяснялся тремя причинами: теснота в городе; истощение городских земель; прекращение возможности свободного захвата земли, которая раньше давала преимущество более состоятельным хозяйствам [9, с. 19].

Первые актюбинские переселенцы жили патриархально, почитали традиции и строго придерживались религиозных правил. Работу в большие праздники считали грехом. Стоит отметить, что в будни трудились без отдыха, женщины пряли пряжу часами. Честность считалась одной из главных добродетелей, потерянные вещи не присваивали, пока не находился хозяин. Исключения были крайне редкими, например, «поселенка по прозвищу Фенька скрыла найденную лошадь, что вызвало резкое осуждение всей общины» [4, с. 1]. Внутри поселения воровства практически не существовало.

Первые переселенцы Актюбинского уезда, несмотря на все лишения, сохраняли удивительную твёрдость духа. Однообразная и суровая степная жизнь компенсировалась упорным и непрерывным трудом. Весной начинались полевые работы, посев требовал слаженности, выносливости и строгой организации. После посевной многие отправлялись в Оренбург - либо с поклажей для местных торговцев, либо с собственным скотом и сырьём. Везли в основном шкуры, шерсть, продукты животного происхождения, а возвращались с товарами широкого спроса. Например: инструментами, тканями, хозяйственными мелочами, необходимыми для обустройства жизни в степи. Из архивных материалов Актюбинской области мы узнаем про ярмарочную торговлю. Она была задумана как один из механизмов оживления хозяйственной жизни переселенческих селений. На практике оказалась далеко менее успешной, чем рассчитывала администрация. Формально ярмарки открывались в строго установленные сроки, однако реального оживления торговли они не приносили. Купцы посещали их неохотно, а местные жители посещали их по необходимости. Отчёты того времени подчёркивают слабую динамику. Во второй половине XIX века оборот ярмарки едва достиг 6140 рублей. Это совершенно незначительный показатель. [5, л. 16].

Современники прямо указывали на причины этой пассивности. Главная из них заключалась в искусственно созданной дороговизне русских товаров. Эти товары, попадая в степь с большим наценками, становились практически недоступными для местного населения. В итоге сама идея торговли теряла смысл: товары привозили, но реальных покупателей почти не было. Именно в попытке исправить эту ситуацию и возникла необходимость в организации ярмарок. Администрация рассчитывала, что регулярные ярмарочные торги помогут снизить цены. В дальнейшем, ситуация начала постепенно меняться. По мере того как регион осваивался, росло число переселенцев и увеличивалась потребность в регулярном обмене товарами. Ярмарки стали лучше выполнять свою функцию. Купцы, убедившись в устойчивом спросе на отдельные виды продукции, стали приезжать охотнее. Цены постепенно стабилизировались благодаря большему предложению и конкуренции. Местное население также стало активнее участвовать в ярмарочной торговле, увидев реальную выгоду в возможности приобретать необходимые товары напрямую, без посредников. [6, л. 59].

Улучшение доступа к товарам повседневного спроса и хозяйственному инвентарю заметно облегчало ведение домашнего хозяйства и сельскохозяйственных работ. Это напрямую влияло на организацию быта. Появилась возможность заранее запасаться необходимыми вещами и материалами, семьи могли более уверенно планировать сельскохозяйственный цикл и подготовку к зиме. После сенокоса и уборки хлеба приступали к осенней распашке земель. Зима становилась серьёзным испытанием для переселенцев. Бесконечные бураны, недостаток кормов, необходимость охранять скот и поддерживать хозяйство требовали полной мобилизации сил всей семьи. Несмотря на тяжёлую работу, переселенцы не теряли духовной жизни. Посещение церкви после трудного дня было не просто религиозным ритуалом, это возможность увидеться с соседями, обменяться новостями и почувствовать себя частью общины. В праздничные дни мужчины и женщины собирались в небольшие кружки, где делились впечатлениями, обсуждали хозяйственные вопросы и вспоминали родные губернии [4, с. 2].

Женщины имели особый обычай устраивать «складчины» [4, с.3]. Каждая вносила небольшую долю, но общий стол получался богатым. Такие встречи приходились на зимние недели, особенно на Святки и Масленицу. Для женщин это было способом сохранять эмоциональную устойчивость и поддерживать общинные связи. Молодёжь, напротив, не сидела дома, она устраивали хороводы, игры, пели песни, водили развлечения на свежем воздухе. Их активность поддерживала внутреннюю жизненную энергию поселения и формировалась социокультурные традиции новой общины.

Одежда переселенцев была простой и практичной. Девушки носили ситцевые платья и платки, в межсезонье кацавейки, а зимой дублённые шубы. Парни летом обходились рубахой с дешёвым поясом, шароварами и поддёвкой, а зимой нагольными полуушубками. Практичность гардероба подчёркивала характер жизни переселенцев. Он должен был выдерживать суровые природные условия и тяжёлый труд. В то же время в Актюбинске постепенно формировалась городская прослойка, интеллигенция, административные служащие, торговцы и ремесленники. В отличие от земледельцев, их жизнь была организована иначе. Участие в городской администрации, торговля, ремесло, более тесные связи с другими городами губернии, доступ к печатной информации, образование и культурная жизнь.

В конце XIX века значительное влияние на трансформацию региона оказала экспедиция Ф. А. Щербины. Были исследованы степные области Казахстана. В своих материалах она указывала, что часть земель может быть изъята из традиционного пользования кочевников и передана в переселенческий фонд. Именно эти выводы легли в основу последующей земельной политики, и в годы Столыпинской аграрной реформы приток переселенцев заметно усилился. Многие получали наделы из так называемых «излишков», определённых земельными комиссиями. Одновременно власти стремились поддерживать и тех казахов, кто выражал желание переходить к оседлости. Об этом

свидетельствовал и Оренбургский генерал-губернатор, который в 1889 году подчёркивал сохранение права кочевания, поскольку оно было важной частью традиционного быта: «... внутренний быт киргизов сохраняется на основании народных обычаев, и как перекочевание составляет одну из самых существенных сторон народного быта киргизов и их обычаев, то очевидно, что прежнее право перекочевания сохраняется» [12]. Однако в новых условиях земельной политики многие казахи всё же начинали оседать.

Переход части казахского населения к земледелию и оседлости отражался и на характере жилья. Именно здесь особенно заметно влияние переселенческого быта. Заимствованные элементы включались в повседневную жизнь, сочетаясь с традиционными формами. Завалишин отмечал: «В сих постоянных зимовках, богатые имеют деревянные дома (пользу которых они ныне сознали глядя на русские заселение), а бедняки роют для себя землянки, либо обносят свои кибитки плетнем из камыша и хвороста...» [7, с. 109].

Летние юрты при этом не исчезали, но выполняли уже иную функцию, они ставились рядом с зимними избами как удобное и проверенное жилище в тёплое время года. Поэтому, у зажиточного казаха «не редкость встретить на дворе и юрту», которая «летом для русского человека доставляет много приятных минут: летняя засуха не тяготит в ней, дождь в нее не проходит и никакой ветер в нее не проникает» [1]. Начальник Переселенческого управления Г.Ф. Чиркин отмечал: «Как бы то ни было, при такой постановке вопроса землеустройство является актом насильственной ломки народного быта, а такой акт не может быть безболезненным и, конечно, должен вызвать всевозможные осложнения» [14, с. 92].

В условиях активного освоения Актюбинского уезда взаимодействие русских переселенцев и казахского населения сыграло важную роль в формировании нового облика региона. Постепенно здесь сложилась смешанная хозяйственная структура, где скотоводческие традиции кочевников сочетались с земледельческими практиками переселенцев. Несмотря на противоречивость аграрной политики царизма, именно доброжелательное отношение коренного населения к переселенцам способствовало к их более успешной адаптации. Повседневные контакты усиливали трудовое взаимовлияние. Переселенцы перенимали у казахов навыки ведения хозяйства в условиях степи, а казахи элементы оседлого быта и земледельческой практики [13]. Это взаимодействие, становилось важным фактором в формировании устойчивых поселений и хозяйственных центров. Характер этих процессов точно отметил Т.А. Жданко: «Оседание кочевников не грозит тотальным исчезновением их культурного наследства. Оно означает дальнейшее развитие народов по пути прогресса и дает возможность не только сохранить, но и развить все лучшее, что было создано кочевыми и полукочевыми племенами в течение веков» [8, с. 281]. В условиях пограничного региона эти процессы становились естественным результатом совместного труда и поиска новых форм быта, объединяющих традиции и нововведения.

В конце XIX - начале XX века в Актюбинском уезде сложилось своеобразное культурное пространство. С одной стороны, здесь существовал традиционный переселенческий быт, жизнь строилась вокруг труда, семейных и общинаных обязанностей, соблюдения моральных норм и религиозных обрядов. С другой стороны, постепенно формировалась городская культура, развивалась инфраструктура, торговля, образование, административные структуры. Этот уникальный синтез позволял переселенцам сохранять привычные традиции, при этом адаптируясь к новым социальным и экономическим условиям. Взаимодействие с местным казахским населением обогащало обе стороны. Переселенцы перенимали опыт ведения хозяйства в степных условиях, а казахи осваивали элементы земледельческого быта. Такие контакты способствовали формированию устойчивых поселений и развитию пограничного региона. Таким образом, жизнь в Актюбинском уезде была примером успешного сосуществования разных культур, где традиции и нововведения переплетались, создавая новые формы быта, адаптированные к степным условиям и требованиям времени. Этот опыт отражает сложность и многогранность процесса освоения пограничных территорий Российской империи в конце XIX - начале XX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Айтмагамбетов, Д.Р. Культурное взаимодействие русского и казахского населения в конце XIX – начале XX вв. На примере Акмолинской области / Д.Р. Айтмагамбетов. – Текст : непосредственный // Инновации в науке. – 2012. – № 9. – С. 37–43.
2. Актюбинский городской вестник. – 1914. – № 5 (17.12.1913).
3. Актюбинский городской вестник. – 1914. – № 7 (17.01.1914).
4. Актюбинский городской вестник. – 1914. – № 8 (01.02.1914).
5. Государственный архив Актюбинской области (ГААО). – Ф. 1248. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 16.
6. ГААО. – Ф. 1248. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 59.
7. Завалишин, И. Описание Западной Сибири. Сибирско-киргизская степь / И. Завалишин. – Москва : Изд. Общество распространения полезных книг, 1867. – Т. 3. – 277 с. – Текст : непосредственный.
8. Жданко, Т.А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане (некоторые исторические и этнографические проблемы) / Т.А. Жданко. – Текст : непосредственный // История, археология и этнография Средней Азии : сб. ст. / под ред. А.В. Виноградова. – Москва : Наука, 1968. – С. 274–281.
9. Кауфман, А.А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области (2-я часть отчёта старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Тургайскую область) / А.А. Кауфман. – Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и Комп., 1897. – 351 с. – Текст : непосредственный.
10. Кустанай и Актюбинск, наши вольные города. – Текст : электронный // Livejournal : сайт. – URL: <https://rus-turk.livejournal.com/558235.html> (дата обращения: 17.11.2025).
11. Некоторые номера первого актюбинского журнала «Актюбинский городской вестник», 1913–14 гг. – Текст : электронный // История Актюбинской области : сайт. – 2025. – URL: <https://myaktobe.kz/archives/1611> (дата обращения: 14.11.2025).
12. Фризен, Д.Я. Взаимоотношения между казахами и крестьянами-переселенцами Западного Казахстана в XIX – начале XX века / Д.Я. Фризен. – Текст : непосредственный // Самарский научный вестник. – 2016. – № 4 (17). – С. 117–122.
13. Фризен, Д.Я. Западный Казахстан и аграрная политика Российской империи / Д.Я. Фризен. – Текст : электронный // Известия ВГПУ. – 2017. – № 1 (114). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapadnyy-kazahstan-i-agrarnaya-politika-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 20.11.2025).
14. Чиркин, Г. Вопрос о землеустройстве киргиз на съезде чиновников переселенческих организаций Тургайско-Уральского района / Г. Чиркин. – Текст : непосредственный // Вопросы колонизации : период. сб. – 1907. – № 3. – С. 79–99.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

В.В. Мохоборода, магистрант 3 курса педагогического направления факультета истории и социальных наук, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mohiboroda2001@mail.ru.

С.Н. Брежнева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: brezhneva_s_n_@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

V.V. Mohiboroda, Master's Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: mohiboroda2001@mail.ru.

S.N. Brezhneva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: brezhneva_s_n_@mail.ru.